

УДК 342.5(094.1)

А. М. Кальяк

Новосибирский юридический институт (филиал)
Томского государственного университета
ул. Советская, 7, Новосибирск, 630007, Россия
E-mail: andrey_sib@rambler.ru

О ЮРИДИЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ ИТОГОВЫХ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С момента принятия Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – Закон) [23] было опубликовано немало работ, посвященных отечественному органу конституционного правосудия. По одному из наиболее часто исследованных вопросов – о юридической природе его решений – были высказаны разные мнения [9. С. 37–59; 6. С. 98–99]. Большая часть исследователей рассматривает итоговые решения Конституционного Суда России как особые нормативные правовые акты [10. С. 110; 12. С. 78; 32. С. 363; 31. С. 10; 4. С. 37; 25. С. 132; 9. С. 59–60; 5. С. 142; 1. С. 105]. Эта позиция подтверждается не только закрепленными в законодательстве свойствами конституционных судебных решений, но и изменениями в правовой системе, которые вызываются их принятием.

Правотворчество Конституционного Суда РФ обычно связывается с его полномочием признавать правовые акты неконституционными, что влечет утрату их юридической силы (п. 6 ст. 125 Конституции РФ). Также нужно отметить, что решение, в котором Суд признает спорный правовой акт несоответствующим Конституции, является основанием исключения соответствующими органами из действующего законодательства правовых актов, содержащих аналогичные нормы (ст. 87 Закона).

Таким образом, нормативность решений Суда связана с его полномочиями по негативному правотворчеству, т. е. с формулировкой конституционного судебного решения, содержащей итоговый вывод (п. 10 ст. 75 Закона). Но, как отмечает В. В. Лазарев, тот, кто считает, что решения Конститу-

ционного Суда РФ обязательны лишь в той части, в какой они объективированы (т. е. содержание решения после слов «Конституционный суд постановил»), может оказаться в неловком положении, так как свойство нормативности признается и за правовыми позициями Конституционного суда [7. С. 8].

По мнению Б. А. Страшуна, в итоговом выводе может содержаться правовая позиция в «сжатом» виде [24. С. 51]. Представляется, что в таком случае нормативно-интерпретационная по своей природе правовая позиция [8. С. 79] приобретает свойства, вытекающие из назначения итогового вывода Суда, который (вывод) отличается по стилистике своего изложения и представляет собой императивное предписание, констатирующее конституционность или неконституционность спорной нормы права. Различие правовых позиций и итоговых выводов Суда вытекает и из ст. 73 Закона.

Некоторые ученые считают, что правовые позиции Суда обязательны только в той мере, в какой они обосновывают итоговый вывод [33. С. 21], то есть, связаны с ним. Однако Конституционный Суд России отмечает, что они обладают непосредственным действием [18. П. 3], и широко использует правовые позиции ранее принятых решений при обосновании новых [13. П. 2]. Как пишет В. Н. Витрук, правовые позиции служат юридическим основанием итоговых решений Конституционного Суда [2. С. 96]. Представляется, что итоговый вывод Суда – это применение общего принципа, выявленного Судом при толковании Конституции РФ и законодательства, к рассматриваемой норме права.

Нормативность правовых позиций Суда признается в законодательной практике. Так, в октябре 2000 г. Президент России В. В. Путин вернул в Государственную Думу закон о внесении дополнений в законы об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ и о выборах депутатов Государственной Думы. Основанием для отказа в его подписании стало то, что законопроект *предполагал возбуждение уголовного дела судом по так называемым делам публичного обвинения*. Как указал Президент, это противоречит постановлению Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П, согласно которому суд вправе возбудить по жалобе потерпевшего уголовное преследование лишь по делам частного обвинения [3]. Однако в резолютивной части этого Постановления Суд признал несоответствующими Конституции РФ ряд положений УПК РСФСР, наделяющих суды полномочиями по возбуждению уголовного дела. Наряду с этим в п. 7 мотивировочной части Постановления отмечалось, что *возбуждение уголовного дела судом может быть признано имеющим соответствующий конституционным нормам смысл только в той части, в какой оно относится именно к особому, предусмотренному статьей 27 УПК РСФСР институту возбуждения уголовных дел частного обвинения по жалобе потерпевшего* [17].

Позитивное правотворчество Суд связывается не только с его правовыми позициями, но и с итоговыми выводами решений. В литературе высказывается мнение, что в результате отмены нормы права Конституционный Суд создает новую правовую норму, противоположную по содержанию признанной неконституционной [1]. С этим следует согласиться, поскольку, например, признание Судом ст. 405 УПК РФ неконституционной в той мере, в которой она в системе действующего уголовно-процессуального регулирования пересмотра вступивших в законную силу приговоров, определений и постановлений суда, *не допускает поворот к худшему при пересмотре судебного решения в порядке надзора по жалобе потерпевшего (его представителя) или по представлению прокурора, чем не позволяет устранить допущенные в предшествующем разбирательстве существенные (фундаментальные) нарушения, повлиявшие на исход дела* [15],

предполагает, что соответствующей Конституции будет являться норма, *разрешающая ужесточение наказания по жалобе потерпевшего или по представлению прокурора, если оно связано с устранением существенных процессуальных нарушений*. Такое логическое развитие решения Суда прямо не оговорено

Законом. В случае возникновения пробела предусматривается прямое применение Конституции (ч. 4 ст. 79). Однако, как представляется, применяться должны те статьи Конституции, которые положены в основу решения Конституционного Суда и смыслу которых противоречила оспоренная норма. Следовательно, исходя из этого, правоприменитель должен прийти к вышеуказанному выводу, поскольку буквальное толкование норм Основного закона, как правило, не позволяет дать ответ на проблему разрешения конкретного дела. В приведенном примере основанием для вывода о недействительности нормы УПК были ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17, ст. 18, 19, 21, ч. 1 ст. 46, ст. 52, ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 123 Конституции РФ. Их буквальное толкование не позволяет сделать вывод, объективированный в решении Конституционного Суда. Представляется, что закон о внесении изменений в УПК РФ в связи с этим решением Суда способен решить эту проблему, как это уже бывало. Так, решением Конституционного Суда от 6 июля 1998 г. [22] было признано несоответствующим Конституции РФ положение ч. 5 ст. 325 УПК РСФСР, лишающее осужденного права на обжалование в кассационном порядке приговора Верховного Суда РФ. Принятый во исполнение решения Конституционного Суда Закон от 4 января 1999 г. [30] включил в состав Верховного Суда РФ Кассационную коллегию. В ст. 62.2, дополнившей Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», было установлено, что эта Коллегия рассматривает в качестве суда второй инстанции гражданские и уголовные дела по жалобам и протестам на акты, вынесенные коллегиями Верховного Суда в первой инстанции.

Решения Конституционного Суда РФ о неконституционности правовых актов могут и не приводить к пробелу в законодательстве. Так была признана не соответствующей Конституции часть 5 ст. 59 АПК РФ, так как она исключает для выбранных организация-

ми лиц, оказывающих юридическую помощь, возможность выступать в арбитражном суде в качестве представителей, если они не являются адвокатами или не состоят в штате этих организаций [19]. Во исполнение этого решения Суда законом от 31 марта 2005 г. [29] ч. 5 ст. 59 Кодекса была исключена. Неконституционная норма не была заменена законодателем, чем, фактически, было признано, что институт процессуального представительства в АПК РФ не был фрагментирован конституционным судебным решением.

Некоторые авторы оценивают такое нормотворчество Суда как временное – до внесения изменений в законодательство компетентным правотворческим органом [11. С. 21]. Однако формулировка решения может быть использована законодателем как основа для новой нормы права. Например, Постановлением Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. [20], было признано неконституционным положение абз. 4 п. 2 ст. 855 ГК РФ, так как установленное в абз. 5 этого пункта обязательное списание по платежным документам, предусматривающим платежи в бюджет и внебюджетные фонды, означает только взыскание задолженности по указанным платежам на основании поручений налоговых органов и органов налоговой полиции, носящих бесспорный характер. Фактически Конституционный Суд придал п. 2 ст. 855 ГК РФ новый смысл, в соответствии с которым в третью очередь производится списание денежных средств для текущих расчетов по оплате труда с лицами, работающими по трудовому договору, в Пенсионный фонд и Фонд социального страхования, фонды обязательного медицинского страхования, а также в бюджет и другие внебюджетные фонды. В четвертую очередь взыскивается *задолженность* в бюджет и внебюджетные фонды. Это положение было воспроизведено ст. 26 Закона о федеральном бюджете на 2005 г. [27].

Заключение Суда может определить будущее законодательное решение. Так, Конституционный Суд признал неконституционным положения абз. 1 ч. 1 ст. 2.1 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», так как они относят детей, находившихся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спец-

поселении, к пострадавшим от политических репрессий, *а не к репрессированным* [21]. Законодатель при изменении названного закона не только исключил из него не соответствующее Конституции положение, но и ввел новую статью, согласно которой *подвергшимся политическим репрессиям и подлежащим реабилитации признаются дети, находившиеся вместе с родителями в местах лишения свободы, в ссылке, высылке, на спецпоселении* [29].

Также изменения в правовое регулирование вносятся решениями Конституционного Суда опосредованно – в силу указания ст. 87 Закона. Например, постановлением 14 марта 2002 г. [16] Суд признал не соответствующими Конституции РФ положения УПК РСФСР, допускающие задержание лица, подозреваемого в совершении преступления, на срок свыше 48 часов и применение в качестве меры пресечения заключения под стражу без судебного решения. На основании этого конституционного судебного решения Президент принял Указ [26], которым из общевоинских уставов были исключены положения, аналогичные по содержанию указанной выше норме УПК.

Итоговый вывод о неконституционности нормативного акта с внесением изменений в законодательство фактически утрачивает значение. Исключение составляет следующий его аспект: запрет, установленный выводом Суда, который нельзя преодолеть повторным принятием этого акта. Также изменение нормативного регулирования во исполнение решения Конституционного Суда не устраняет обязанность других субъектов права устранить последствия действия неконституционного правового акта. Правовая позиция Конституционного Суда, положенная в основу этого вывода, сохраняет свою силу и после принятия нового акта или внесения изменений в признанный неконституционным в его части. Она может служить основанием дисквалификации этого акта, если при его разработке и принятии не было устранено противоречие с Конституцией. Также правовая позиция может быть применена к другому нормативному акту, если этот акт не соблюдает конституционный принцип, выявленный Судом в его правовой позиции.

Как представляется, предписание ст. 87 Закона, согласно которому решение о некон-

ституционности правовой нормы является основанием для отмены аналогичных предписаний, содержащихся в других нормативных актах, предполагает совместное действие итогового вывода и правовой позиции Суда, объективированной в решении. В таком случае правотворческие и правоприменительные органы должны обращать внимание не только на вывод о несоответствии Конституции нормы права, но и на ее толкование и толкование соответствующих конституционных норм в правовой позиции Суда, объективированной в мотивировочной части решения.

Компетенция федерального Конституционного Суда не ограничена вопросами нормоконтроля и официального толкования Конституции России. Ряд решений, на первый взгляд, можно охарактеризовать как правоприменительные. Это дела о конституционности обвинения Президента РФ в совершении тяжкого преступления, о соответствии инициативы референдума Конституции. В таких решениях предполагается сопоставление не нормы права, а индивидуальной ситуации и Основного закона. Практически общепризнанно, что толкование Конституции дается в каждом деле, рассматриваемом органом конституционного контроля [14. С. 45]. Поскольку вывод относится к запросу и дает ответ на спорную ситуацию, то, следовательно, истолкование Конституции, на котором основаны выводы резолютивной части, содержится в мотивировочной части конституционного судебного решения, то есть в его правовой позиции. Однако не усматривается препятствий для закрепления критериев соответствия или не соответствия ситуации Конституции России в резолютивной части решения Суда. Это фактически будет общеобязательное толкование основного закона, обладающее большим «зарядом императивности», чем формулировка мотивировочной части конституционного судебного решения. Как представляется, это утверждение, в целом, распространяется на дела о соответствии Конституции проектов международных договоров. Таким образом, в таких решениях свойством нормативности могут наделяться не только правовые позиции (обладающие ей в силу своей природы), но и итоговые выводы решения Суда.

Нормативность итогового вывода решения Конституционного Суда РФ, несмотря на

то, что он адресован конкретным исполнителям (законодателю – изменить рассмотренный акт, правоприменителю – пересмотреть свое решение), обусловлена свойствами, закрепленными за ним законодательством. Это, в первую очередь, ч. 6 ст. 125 Конституции РФ, ст. 79 и 87 Закона. Правовые позиции обладают нормативным значением вследствие своей интерпретационной природы, отсутствия указания на ограничение ее действия отдельным случаем и признания возможности ее многократного применения Судом (ст. 73 Закона).

Подводя итог вышесказанному, нужно подчеркнуть, что нормативность решения Конституционного Суда определяется не только его итоговым выводом, но и правовой позицией. Они не совпадают, итоговый вывод аккумулирует основу правовой позиции. Но эти правовые феномены в равной степени наделены свойством нормативности, а определенных ситуациях нормативный характер решения Суда вытекает из их совместного действия.

Список литературы

Верещагин А. Н. Судебное правотворчество в России. Сравнительно-правовые аспекты. М., 2004.

Витрук В. Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации: понятие, природа, юридическая сила и значение // Конституционное правосудие: Восточно-европейское обозрение. М.; Нью-Йорк, 1999. № 3 (28).

ИНТЕРФАКС. 2000. 27 октября.

Колесников Е. В. Постановления конституционных судов как источник российского конституционного права // Правоведение. 2001. № 2.

Конституционный судебный процесс / Отв. ред. М. С. Саликов. М., 2003.

Кряжкова О. Н. О месте правовых позиций Конституционного Суда РФ в правовой системе России // Правовые проблемы укрепления российской государственности: Сб. ст. / Под ред. В. Ф. Воловича. Томск, 2005. Ч. 23.

Лазарев В. В. Законотворческая деятельность Государственной Думы: проблемы и перспективы // Актуальные проблемы становления правового государства: Сб. лекций / Сост. П. П. Глушенко. СПб., 2003.

Лазарев Л. Введение. Форум: Роль Конституционного суда в обеспечении стабильности и развития правопорядка // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 3 (48).

Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М., 2003.

Лившиц Р. З. Теория права. М., 1994.

Марченко М. Н. Является ли судебная практика источником российского права? // Журнал российского права. 2000. № 12.

Митюков М. А. Вопросы парламентского права в решениях Конституционного Суда РФ // Проблемы парламентского права. Сб. ст. / Под ред. Л. Иванова. М., 1996.

Определение Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2005 г. № 57-О «По жалобе гражданина В. Н. Митусова». Текст определения официально опубликован не был.

Поленина С. В. Законотворчество в Российской Федерации. М., 1996.

Постановление Конституционного Суда РФ от 11 мая 2005 г. № 5-П «О проверке конституционности статьи 405 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Курганского областного суда, жалобами Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, производственно-технического кооператива “Содействие”, общества с ограниченной ответственностью “Карелия” и ряда граждан» // Рос. газета. 2005. 20 мая.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П «О проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пус-товалова» // Рос. газета. 2002. 21 марта.

Постановление Конституционного Суда РФ от 14 января 2000 г. № 1-П «О проверке конституционности отдельных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела, в связи с жалобой гражданки И. П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации» // Рос. газета. 2000. 2 февр.

Постановление Конституционного Суда РФ от 15 июля 1999 г. № 11-П «О проверке конституционности отдельных положений Закона РСФСР “О Государственной налоговой службе РСФСР” и Законов РФ “Об осно-

вах налоговой системы в Российской Федерации” и “О федеральных органах налоговой полиции”» // Рос. газета. 1999. 3 авг.

Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июля 2004 г. № 15-П «О проверке конституционности части 5 статьи 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами Государственного Собрания – Курултая Республики Башкортостан, Губернатора Ярославской области, Арбитражного суда Красноярского края, жалобами ряда организаций и граждан» // Рос. газета. 2004. 27 июля.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23 декабря 1997 г. № 21-П «О проверке конституционности пункта 2 статьи 855 Гражданского кодекса Российской Федерации и части шестой статьи 15 Закона Российской Федерации “Об основах налоговой системы в Российской Федерации” в связи с запросом Президиума Верховного Суда Российской Федерации» // Рос. газета. 1998. 6 янв.

Постановление Конституционного Суда РФ от 23 мая 1995 г. № 6-П «О проверке конституционности статей 2-1 и 16 Закона РСФСР от 18 октября 1991 года “О реабилитации жертв политических репрессий” (в ред. от 3 сентября 1993 года) в связи с жалобой гражданки З. В. Алешниковой» // Рос. газета. 1995. 31 мая.

Постановление Конституционного Суда РФ от 6 июля 1998 г. № 21-П «О проверке конституционности части пятой статьи 325 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Шаглия» // Рос. газета. 1998. 15 июля.

Российская газета. 1994. 23 июля.

Страшун Б. Решения Конституционного суда Российской Федерации как источник права // Конституционное правосудие. Ереван. 2001–2002. № 4 (14) – 1 (15).

Татаринев С. А. Постановления Конституционного суда РФ в системе источников конституционного права // Государственная власть и права человека / Отв. ред. В. Ф. Волочич. Томск, 2001.

Указ Президента РФ от 30 июня 2002 г. № 671 «О внесении изменений в общевоинские уставы Вооруженных Сил Российской Федерации» // Рос. газета. 2002. 3 июля.

Федеральный закон от 23 декабря 2004 г. № 173-ФЗ «О федеральном бюджете на 2005 г.» // Рос. газета. 2004. 28 дек.

Федеральный закон от 4 ноября 1995 г. № 166-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 45.

Федеральный закон РФ от 31 марта 2005 г. № 25-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившим силу Федерального закона “О внесении изменения в статью 59 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации”» // Рос. газета. 2005. 5 апр.

Федеральный закон РФ от 4 января 1999 г. № 3-ФЗ «О внесении изменений и дополне-

ний в Закон РСФСР “О судостроительстве РСФСР”, Гражданский процессуальный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс» // Рос. газета. 1999. 6 янв.

Хабриева Т. Я. Толкование Конституции. Теория и практика. М., 1998.

Цихоцкий А. В. Теоретические проблемы эффективности правосудия по гражданским делам. Новосибирск, 1997.

Эбзеев Б. С. Конституционный Суд РФ: становление, юридическая природа, правовые позиции / Комментарий к постановлениям Конституционного Суда Российской Федерации. М., 2001. Т. 1.

Материал поступил в редколлегию
21.10.2005